

**Дарья
Близнюк**



Проклятые убийцы

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Близнюк

Проклятые убийцы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57192548

SelfPub; 2020

Аннотация

Все события разворачиваются внутри клуба анонимных убийц. Шестеро преступников регулярно приходят на встречи, но вскоре становится ясно, что реальность обманчива. Так как же отличить вымысел от правды? Как найти своё истинное "Я"? И как принять своих внутренних демонов? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Шаг первый – признание	5
Анубис	8
Калигула	16
Сальери	20
Моцарт	24
Жиголо	28
Мама	36
Пай-убийцы	39
Каждой твари по паре	41
Приглашение на казнь	44
Секспир	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Конечно, жизнь их ядовита,

Они презренны и смешны.

Они напоминают чьи-то

Во тьме ночной дурные сны

– Поль Верлен

Шаг первый – признание

К цели мы идём, не веруя в успех

– Вилье де Лиль Адан

– Чтобы измениться, нужно признать своё бессилие и покаяться в прегрешении... – плыл голос высокого парня с лёгкой щетиной и жёлтыми волнистыми волосами.

Он сидел на высоком изящном стуле, какие обычно водят хоровод вокруг барной стойки, держа согнутые в коленях ноги на перекладине. Рядом с ним сутулились слушатели. Они отчего-то приклеили глаза к паркету и даже не старались их оторвать. Наверное, собравшиеся чувствовали себя неуютно, несмотря на то, что все правила интимной атмосферы были соблюдены: сквозь приоткрытое окно доносилась августовская сырость, редкий капельный стук служил чем-то вроде метронома, а запах шоколада окутывал каждую молекулу воздуха.

– ...Вы должны взглянуть в своё гадкое лицо и примириться с ним, – внушал ведущий. – Вы должны максимально ёмко сформулировать свой неуютный портрет. К примеру, я эгоистичный грубиян. Или: я извращённый эстет. Или: я смазливый слабак. Хватит увиливать и вытеснять неуютные поступки! В конце концов, мы собрались здесь, чтобы измениться к лучшему и вновь себя полюбить... – душещипа-

пательно обвёл взглядом каждого парень.

На нём болтались широкие светло-коричневые штаны с низкой посадкой и домашняя майка, которую ждало скорое превращение в половую тряпку. Металлическая скрепка прижимала к её горловине бумажку, игравшую роль бейджа. И бейдж этот демонстрировал жирную надпись: «Пустыня».

У других членов закрытого клуба висели такие же карточки с их прозвищами. Никто не заставлял называться настоящим именем, поскольку в клубе к анонимности относились весьма уважительно.

– ...Настала пора вытащить скелеты из шкафов! – торжественно провозгласил Пустыня. – Настала пора обмениваться историями о своих преступлениях, и я готов высказаться первым, – он незаметно соскользнул со стула. – Я был слаб и не ведал, что делаю. Ах, нет! Конечно, я понимал, на что иду. Мне не следует снимать с себя ответственность. Я прекрасно знал, что отнимаю у человека самое священное – жизнь. Кто-то скажет, что ни один убийца не заслуживает понимания, но я считаю иначе. Потому что меня душило отчаяние. Я не мог противостоять кошмарному заговору. Моего лучшего друга убили, и я отважился на месть. В один январский день без дрожи и сомнений расстрелял несколько парней и девушек в клубе. А затем уехал. И остался безнаказанным. Впрочем, карма отследила меня быстро. Я вдоволь расплатился за грехи, и теперь каюсь. Каюсь! Я каюсь и стремлюсь к искуплению! – закончил рассказчик.

– Спасибо за то, что поделился своей историей, Пустыня, – прокатился сдавленный хор его коллег по несчастью.

Их сходка напоминала собрание акул в мультфильме о рыбке Немо. Весьма нелепое зрелище.

– Ты большой молодец, Пустыня, – кивнул ему скуластый парнишка с каре.

Именно он держал раскрытую упаковку шоколадных конфет, распространяя их густой аромат. Блестящая фольга шуршала, но не перебивала речь. Сам паренёк следил за Пустыней с живым интересом, и к его бордовой футболке крепился бейдж с надписью: «Анубис».

Анубис

Раздвигая тело, из плоти Бог встаёт

– Артюр Рембо

Анубис неспроста выбрал такую кличку. Его с самого детства привлекал Египет и его мифология. Мальчишку обуревали боги с головами животных, пирамиды и фантастичные легенды. Сколько загадок хранили гробницы! Сколько неизведанного скрывали сфинксы! Ребёнок с упоением коллекционировал вырезанные из дерева фигурки и наделял их магическими свойствами.

Впрочем, когда мальчишка только узнал о таком понятии как «коллекция» (а случилось это в детском саду, когда одна кудрявая девчонка в зелёном платье принесла в группу коробку с заглушками для мебели), он тут же захотел иметь свою. Ребёнок, не откладывая, схватился за ножницы с бумагой и принялся строгать кривые кругляшки. Затем он скрепил их пластилином и получил самую настоящую коллекцию планет Солнечной системы.

О Солнечной системе молодой исследователь прочитал в увлекательной энциклопедии школьника – огромной красной книге с красочными правдоподобными иллюстрациями. В ней же он наткнулся на разворот о процветании Египта, на котором просто и понятно рассказывалось о том, как форми-

ровалась и процветала эта цивилизация (она просуществовала три тысячи лет).

Оказалось, египтяне верили в то, что фараон – это бог, живущий на земле. Они подчинялись строгим правилам, как следует жить и готовиться к жизни после смерти. Стены пирамид символизировали лучи солнца, которые уносили тело фараона в страну мёртвых. Готовя повелителя к этому путешествию, его бальзамировали и заворачивали в ткань. Мумию помещали в ярко расписанный саркофаг, который затем переносили в гробницу с многочисленными сокровищами.

Разумеется, пятилетний мальчишка выдумывал поиски драгоценностей, рисовал карты и мечтал раскопать клад. А когда ему стукнуло восемь, родители пообещали, что скоро отправятся в грандиозное путешествие к Нилу. Ох, как скрупулёзно их сын ждал этого! Исчеркал несчастный календарь красным фломастером, сочинил кучу стихов и, наконец, очутился в жаркой стране. Правда, его немного разочаровал их отдых. В памяти сохранилось только то, что вода в море, кишевшем фиолетовыми медузами, была настолько солёной, что разъедала горло, глаза и нос. Сухой горячий воздух никогда не знал ветра, зато бассейн мог похвастаться горками на любой вкус. Кручёные (но и медленные), высокие (пугающие почти прямым углом), широкие (с которых дозволялось лететь в самых разных позах) и горки с куполом (следовало вовремя опускать голову, чтобы не стукнуться лицом о крышу) приводили мальчика в неопишуемый восторг! А ещё он

погружался в подводной лодке и плавал в открытом океане (ну и что с того, что ему мешался дурацкий оранжевый жилет, а папа плавал рядом)!

Вечерами, когда злое солнце успокаивалось, они гуляли с мамой по сувенирным лавкам и глазели на точёные статуэтки, украшения из натуральных камней и лёгкие кимоно (в самых скучных витринах). В столовой разрешалось брать со шведского стола что душе угодно, и особенно мальчишка любил мюсли и шоколадные пирожные. Впрочем, он всегда пускал слюни на сладкое.

Мамочка, женщина с фигурой, похожей на песочные часы, поглощала порции салата и целые тарелки канапе, элегантно стягивая зубами фрукты с деревянной шпажки.

Папочка, грузный мясистый мужчина, всасывал спагетти и шумно чмокал, жуя куриные ножки.

Как и любые туристы, с собой они увезли кучу магнитов с верблюдами, кипу фотографий в цифровом фотоаппарате, уйму товаров и, самое главное – охапку впечатлений.

Мальчишка ещё сильнее увлёкся изучением богов, которые наблюдали за ним откуда-то из космоса. Теперь, когда он приблизился к их культуре, они точно не сводили с ребёнка глаз. На мелких квадратных листочках, именуемых стикерами, он записывал любую интересовавшую его информацию. И его призывы привели к тому, что космос с ним заговорил.

Однажды, лёжа в постели и вода пальцем по узору на обоях, он ясно услышал голос высшего существа. Он звучал так,

словно раздавался из телефона. Вначале пятиклассник не понял, кто его окликнул, но вскоре смекнул, что, должно быть, к нему обратился Абсолют.

– Ты необыкновенный! – властно прохрипел Он. – Тебе предначертана великая миссия, – предупредил Бог и умолк на добрые семь недель.

Парнишка терзался сомнениями, уж не послышалось ли ему? Но знаковое пророчество не могло быть плодом воображения, и поэтому мальчик смиренно терпел, пока Высший Дух соизволит показаться вновь. И это действительно случилось, только на этот раз, когда мальчишка катался на скейте. От неожиданности горемычный спортсмен свалился и поцарапал коленку, зато понял, о какой миссии толковал космос.

– В твоём теле заключён дух Анубиса, Бога бальзамирования и смерти, хранителя ядов и лекарств. Чёрного, как ночь, и золотого, как день. Ты – проводник усопших душ в загробный мир, – представил его ему же Абсолют.

С тех пор как подростку открылась шокирующая правда, он впал в смятение. Как ему следовало себя вести? Как рассказать родителям, что он не их сын, а Бог смерти Анубис? Как взвалить на плечи такую ответственность? Какие ритуалы ему придется проводить? Что если он не справится? Что если на него рассердится Абсолют и изгонит в какое-нибудь царство неприкаянных духов? От отчаяния и страха глаза покрывала солёная, как Красное море, пелена, но парень упрямо хранил молчание и никого не впутывал в тайну.

В возрасте пятнадцати лет он подстригся под каре в известной парикмахерской «Bigoodi», чтобы соответствовать образу внутреннего зверя. Регулярно отжимался, приседал и качал пресс, чтобы нарастить мышцы. С собой носил Анх – коптский крест. То был символ жизни, завязанной в узел. Когда в городе рыжим киселём растекался летний зной, парнишка носил одну тазобедренную повязку, что нередко служило почвой для ссор с родителями.

– Имей приличие! – ахала мать.

– Надеюсь, ты не вздумаешь появляться в этом на улице?! – ужасался отец.

– А чего плохого? – возмущался Анубис и, не слушая нотаций, выбегал во двор, где, облитый потом, гулял босиком по пыльным дорожкам.

Ну когда же он приступит к своим обязанностям? И как вообще происходят проводы из жизни в посмертие? В тягучие дни разочарования его отрезвлял телефонный голос Абсолюта, заверявший, что время ещё не пришло.

Время пришло, когда Анубис окончил гимназию, причём окончил её на отлично. Время пришло жуткое и, мягко говоря, тяжёлое, как тело, которое парень протащил с танцевальной площадки до туалета.

В одну пречёрную ночь Абсолют активизировался и приказал немедленно подниматься из саркофага, заполнять карманы аспирином и нестись в клуб «СОСИска». Затем голос посоветовал добавить белые пилюли в алкогольные напитки.

ки, и Анубис беспрекословно повиновался командиру. Таким образом он выкосил немало пьяных танцоров. В темноте, плюющей лазерами, никто не заметил его манипуляций, и божественный промысел сошёл ему с рук.

Испуганный и взволнованный парень помчался домой, где заел стресс шоколадными конфетами. Шуршание фантиков хоть и успокаивало его, но не возвращало самообладания. От перенапряжения внутренние батарейки не то что сели – они легли. Парень тоже лёг в кровать и забылся летаргическим клейким сном.

Утром его разбудили телефонные реплики. Довольный Абсолют хвалил пророка.

– Погляди, как ты велик и могущественен! Ты блистательно исполнил своё призвание! – заверял он, и юноша расцветал от осознания своей значимости.

Его просто распирало от гордости и успеха! Он верил в себя. И люди верили в него. Люди верили в своего Бога.

Похождения Анубиса по барам и кабакам случались внезапно. Он сам не мог предсказать, когда в очередной раз космосу приспичит его послать на сбор урожая. Однажды он славно потрудился в чудном местечке «МисКа», где собирались одни барышни. Конечно, он не принадлежал к женскому полу, но наряжаться умел так же хорошо, как и писать стоя. Парня пропустили без лишних вопросов и подозрений, и он отправил в иное измерение несколько расфуфыренных девиц с утиными губами и грудями, какими можно играть в

боулинг.

Сам шатен с глазами чайного цвета считал себя харизматичным красавцем. Анубису повезло: его заключили в тугое, налитое жизнью и энергией тело. Почему-то все проводники в загробный мир выглядят обольстительно и надёжно. Им тяжело не симпатизировать. Тяжело устоять перед их чарами и отличить вымысел от правды. Особенно тяжело, когда они сами верят в сочинённую сказку. Когда они путают понятие благополучия и не разделяют добро и зло. Порой они сами глубоко обманываются, дабы не травмировать психику. Разоблачение, если оно происходит, бывает очень болезненным.

У Анубиса оно было невыносимым. Когда парень понял, что его невинное хобби называется убийством, то чуть не рехнулся. Как же хитро он себя дурачил и щадил столько времени! Но одним вечером наткнулся на заметку в газете, где сообщалось о лютном изверге, который отрубил головы двум неповинным гражданам. Автор статьи не скупился на неласковые прилагательные в адрес «гнусного мерзавца» и «аморального идиота», который «не заслуживает места среди нас».

Анубис вдруг ясно осознал, что относится к той же касте. Да, он работал гидом между порталами, но это не избавляло его от громкого ярлыка «убийца». Не отменяло того, что он без колебаний пошёл на поводу у Абсолюта и угрохал десятки людей. Но он-то не человек, а божество, и таков его скромный удел! Он не в силах изменить судьбу. Быть может,

у него всё-таки есть право решать, кому пора переехать на небо?

Спустя несколько ночей его шакаля голова, зажатая подушками, дабы не слышать роковых приказов, прикатилась к решению, что убивал не сам Анубис, а Египетский дух, без спроса воткнутый в его плоть. Именно на нём сидела вся ответственность, болтавшая ногами, а юноша никак не связывался с миссией Бога смерти.

И вся беда заключалась в том, что космос не оставил попаданца, а продолжил толкать на жертвоприношения. И Анубис не мог ему противостоять. И ненавидел себя. И винил, и наказывал, и проклинал. И, в общем-то, был прав: человеком он не являлся.

– Спасибо за то, что поделился своей историей, Анубис! – поблагодарил его коллектив.

– Ты большой молодец, Анубис, – обратился к нему мужчина с какашной родинкой на щеке и фиолетовым пучком сладкой ваты на голове. За его малиновый пиджак держалась карточка с весьма эксцентричным именем «Калигула».

Калигула

Сплошь людоедские уловки

– Поль Верлен

Калигула любил носить яркие и маскарадные наряды: пунцовые жилеты, идеально выглаженные карминные брюки, туго затянутые корсеты, гольфы и заострённые ботинки. На голове постоянно возвышалось лиловое облако причёски, как у Бориса Моисеева. Сиреневые тени превращали веки в крылья бабочки, а трость служила неотъемлемым аксессуаром. Сам мужчина держался статно и важно. Во взгляде читались гордость и себялюбие. Калигула страстно поклонялся театру и часто посещал спектакли. Ещё он верил, что принадлежит к знатному роду римского императора с таким же именем. И поэтому мужчине приходилось быть бдительным и осторожным. Стоило держать ухо востро, ведь поблизости шастали подлые заговорщики, которые нацеливались его убить. Но Калигулу было не провести: он знал, что лучшая защита – это нападение. И он нападал. Оборонялся. В результате в газетах его окрестили «гнусным мерзавцем» и «аморальным идиотом», что, впрочем, не расстроило мужчину. Он обожал внимание публики. Он обожал бывать в его центре и, раз увидев упоминание о себе в серой брошюрке, возомнил себя знаменитым, как президент. Калигула посчи-

тал, что его поступком восхитились. Его смелости заплодировали. Его провозгласили отважным потомком и будущим властителем. Тронутый наследник трона делал своим поданным щедрые подарки. Его светлость нисходила к обычным людям и сообщала им разные сведения. К примеру:

– Хочешь спойлер к своей жизни? – спрашивал Калигула. – Ты умрёшь через пару секунд, – хихикал он, замахиваясь топором.

Казнь, особенно публичная, смазывала его душу целительным бальзамом и приносила неопиcуемый восторг, словно удачное выступление в театре.

Любимым драматургом Калигулы был некий господин Секспир, который создал огромное количество пьес. Заветной мечтой была их встреча при свечах, в галстуках и с бокалами вина такого же цвета, как его тёмно-малиновый фрак. Однажды этот самый Секспир отправил ему письмо с приглашением на светскую беседу, но забыл указать дату, и бедный Калигула изводился в ожиданиях. Неопределённый срок лишь усугублял томление духа, и мужчина театрально вздыхал, прикладывая руку с накрашенными ногтями ко лбу.

Ещё в детстве Калигула отличался чрезмерным позёрством и дурашливостью. Он передразнивал взрослых, устраивал розыгрыши и шумел на уроках. Впрочем, его дурной характер походил на море. Приливы общительности и веселья сменяли замкнутость и тоска. Ребёнок мог часами мол-

чать, стоя посередине комнаты без какого-либо занятия. Он как-бы выпадал из внешнего мира и погружался в мир внутренний. Мальчишка фантазировал о том, как он попадает в шикарный бриллиантовый дворец, где сверкает каждый гвоздь и волшебный цветок, где он облачается в красную мантию и получает настоящие скипетр и державу. В общем, обычные мальчишеские выдумки с той лишь разницей, что Калигула в эти выдумки свято верил. Он не отличал их от реальности или сна. Все эти компоненты были одинаково правдивы и одинаково иллюзорны. За обедом парнишка с упоением вещал о своих никогда не происходящих приключениях, вонзая вилку в палочки жареной картошки.

Печально, что с возрастом ничего не изменилось. Калигула только сильнее укоренился в своих убеждениях и казнил, казнил, казнил...

Жить стало сложно, когда заговорщики потеряли всякий страх и так громко шептались за его спиной или под окнами, что Калигула разбирал каждое слово.

– Ему надо подсыпать яд в молоко, – шушукались злоумышленники.

– Нет, лучше свалить на него хрустальную вазу с крыши, – спорили они.

– Никаких ваз! Его надо просто задавить на дороге! У меня есть «Фольксваген поло» и...

И Калигула стал избегать высоких зданий, отказался не только от молока, но и от йогуртов с сыром, и от кефира с

маслом. Теперь он не мог лопать круассаны по утрам, потому что внутри этих эклеров его подстерегало варёное сгущённое молоко. Молочные колбаса и сосиски тоже покинули рацион. Мужчина обходился глазуньей с беконом на завтрак.

Выход за пределы квартиры стал приравняться к экстремальным видам спорта или того хуже. Мужчина подозрительно оборачивался и дрожал, пока добирался до магазина. Если на его глаза попадался «Фольксваген», то происходила настоящая катастрофа: Калигула срывался с места, как ужаленный, и, крича, нёсся в дом, где хватал топор и замирал у двери. Его преследовали. За ним охотились и вели наблюдение. Он не мог жить в постоянной тревоге, которая подложила вместо сердца тикающую бомбу. Калигуле требовались телохранители. Он нуждался в помощи. И так он попал в клуб анонимных убийц. Здесь ему не угрожали расплатой.

– Спасибо за то, что поделился своей историей, Калигула! – поддержали его все.

– Ты большой молодец, Калигула, – улыбнулся ему парень в голубой рубашке и коричневых брюках. Судя по беджу, он называл себя Сальери.

Сальери

Грущу и счастлив – это значит, что я люблю

– Поль Верлен

Мечтательный романтик Сальери был писателем. Вот уже полгода он трудился над шедевральной романом «Карантин». Молодой парень знал, что из-под его пера выходит сенсация. Что его образный язык покорит читательские сердца, а выбранная тема привлечёт любого.

«Когда во всех городах объявили режим самоизоляции, люди заперлись в квартирах, словно по улицам разгуливали зомби. Люди наращивали панцири. Укладывались в барокамеры. Каждый превращался в человека в футляре», – печатал Сальери.

«Простолюдины выбирались за покупками в одноразовых гигиенических масках, элита же приобретала махровые тканевые повязки, которые было можно постирать и использовать повторно», – печатал Сальери.

«Популярность Бродского возрастала вместе со статистикой заболевших», – печатал Сальери.

«Воздушные поцелуи пугали так же, как воздушные тревоги», – печатал Сальери.

«Казалось, весь мир обработан антисептиком», – печатал Сальери, не замечая своего дешёвого пафоса.

Но Сальери не гнался за популярностью. Он корпел над книгой совершенно по другой, более утончённой причине. Дело в том, что он полностью и бесповоротно влюбился в свою героиню...

Её звали Памелой. Памела ко всему относилась легкомысленно. Она не зависела от предрассудков. Она одна не поддавалась панике и вела себя достойно, словно ничего не происходило. Памела беззаботно бегала по утрам в парке, облачившись в фиолетовую олимпийку и спортивные чёрные шорты. Симпатичный хвостик, просунутый через кепку, забавно болтался из стороны в сторону, а дефис губ растягивался в тире улыбки. Девушка с умилением наблюдала за пушистыми столбиками сусликов, которые выбирались из своих нор погреться на солнышке и поноситься друг за дружкой. С детским восторгом она гонялась за бабочками и любовалась привольными пейзажами. Всё в ней дышало молодостью. Всё в ней наливалось свежестью и задором.

Сальери сутки напролёт следил за своей возлюбленной. Она сама нашёптывала ему нужные слова, которые высвечивались на мониторе. Все события в её жизни случались произвольно. Памела сама управляла Сальери, а не он управлял Памелой. И их нежный терпкий роман был невинней детских шалостей. Их любовь была чище и кристальней капли утренней росы, пронизанной лимонным лучом солнца.

Но Памела не ведала о том, что за ней наблюдают. Она даже не представляла, что уже обаяла одного господина. Её де-

вичье сердце жаждало любить, и потому она, столкнувшись с велосипедистом, с присущей только ей лёгкостью влюбилась в его шутки, высокие скулы и зачёсанные назад волосы. Что ж, Помеле повстречался настоящий Дон Жуан! А несчастному автору оставалось только одно – наблюдать за их свиданиями и читать их пошлые мысли.

И все его любовные муки, густо политые сомнениями о качестве текста, изрядно измотали парня. Он решился подыскать редактора, который смог бы по достоинству оценить работу. И нашёл. Его псевдоним – Моцарт – гладко перекачивался по языку. Этот Моцарт держался инкогнито, но дружелюбно. Он не тянул с проверкой и давал обратную связь.

– Крайне годно, – сообщал Моцарт.

– Весьма впечатляет, – сообщал Моцарт.

– Я восхищён, – сообщал Моцарт, и юный писатель раздувался от гордости.

Он уже предвкушал скорый успех и пританцовывал среди улыбающихся книжных шкафов. Только их улыбки обнажали не зубы, а книжные корешки.

Но после того как первый восторг улёгся, в гениальную голову заползали подозрения. Что если этот Моцарт всем пишет столь лестные отзывы? Что если это всего лишь автоматические ответы? Тогда получалось, что Сальери вовсе не особенный, а типичный писака-нищеврод.

От страха он не мог усидеть на месте и понял, что обя-

зан проверить свою гипотезу. Но как? Сальери стоило получить доступ к телефону или к компьютеру этого редактора, чтобы узреть все его переписки. Сальери стал умолять об очной встрече в каком-нибудь кафе вроде «Coffee Milk» или «О Бразилия!», но ленивый помощник отказывался от свиданий. Мол, душевные или даже деловые беседы не входят в его обязанности. Однако Сальери удалось сторговаться до «шапочной» посиделки в обед следующего дня. Он, задыхаясь от волнения, отутюжил светло-коричневые брюки и купил новую рубашку, дабы показаться вежливым и опрятным человеком. Впрочем, прилагательные «вежливым и опрятным» можно опустить.

Моцарт

Спрячь на груди меня, мой гений

– Вилье де Лиль Адан

Когда все пили кофе с молоком, Моцарт пил молоко с кофе. Ему нравился мягкий ореховый вкус этого тёплого напитка. Особенно в пасмурную погоду, когда сизые румяна дня затеняли горизонт. Читая книги, он с удовольствием попивал кофеёк и утопал в глубоком кресле. В очках отражался экран ноутбука. Недавно он взялся за редактирование романа «Карантин», приятно удивившись стилем и подачей автора, но перенасыщенность образами его смущала.

Когда Моцарта спросили о встрече визави, он поначалу отнекивался, но, отмахнувшись от заученного шаблона поведения, подумал, почему бы и нет. Ему даже стало любопытно пообщаться лично с таким интересным и талантливым человеком, расспросить его о деталях и дальнейших планах. Тем более, что в своём окружении он не находил гуманитариев, с которыми было можно обсудить классику и положение современной литературы.

И горемычный Моцарт уселся за убранный столик в небольшом кафе. В этот день ему везло также сильно, как людям, оказавшимся в башнях-близнецах одиннадцатого сентября 2001 года.

– Рад знакомству, – протянул ему руку светловолосый парень. Моцарт ответил тем же, пожимая шероховатую ладонь.

– Присаживайтесь, – предложил он. – Так о чём вы хотели поговорить? – не стал тянуть.

– Ах, вы весьма хорошо отозвались о моём романе, – поудобней устроился Сальери. – И я жду от вас подробного комментария, – признался он.

– Что ж, мне действительно понравилось то, как вы управляете историей, – начал редактор.

– История сама управляет мной! – пафосно высказался Сальери.

– У вас богатый язык и свежие сравнения, – смущённый тем, что его перебили, продолжил Моцарт. Правда, ему пришлось выждать ещё одну паузу, пока официантка подносила заказанный кофе.

– Рад слышать, – заёрзал Сальери. – Только скажите, вы всем это говорите или мне одному? – в лоб спросил он.

Моцарт даже слегка кашлянул от внезапности. Его поражала некая эгоцентричность собеседника, присущая детям.

– К каждому автору я подхожу индивидуально, – обобщённо ответил Моцарт, отмечая, что его слова не удовлетворили создателя «Карантина».

– Ясно, – подбоченился тот.

– Вы лучше поделитесь, у вас уже есть идеи для следующих работ? – отхлебнул из чашки Моцарт.

Остаётся только гадать, почему уже в ту минуту его инту-

иция не забила в колокол. Сальери напряжённо вцепился в подлокотники и с подозрением уставился на соседа.

– Нет! – как-то резко бросил он.

– Мм, – протянул Моцарт, поглядывая на левое запястье с часами. – Думаю, мне пора, – заключил он.

– Да, конечно, – поднялся Сальери.

Его новёхонькая рубашка обзавелась двумя мокрыми пятнами под мышками. Творческие люди любезно попрощались друг с другом, и Моцарт побрёл к себе домой. На душе остался странный осадок, похожий на кофейную гущу. Но что толку на ней гадать? Да, их мимолётный диалог не оказался содержательным. Да, Сальери вёл себя необыкновенно и вычурно, но разве есть повод для опасений?

Моцарт так глубоко погрузился в мысли, что расслышал шаги, только когда преследователь приблизился вплотную.

– А? – взволнованно обернулся Моцарт, и его глаза широко зевнули от страха.

Это было последним, что сделали его глаза, потому что в следующую секунду Сальери воткнул в один из них обычный кухонный нож для резки овощей. Моцарт завопил от боли. Почему он забыл надеть очки?

Сальери распирало от возмущения. Как этот жалкий банальный графоман может его судить и вынюхивать его идеи? О, Сальери знал, что восторженный редактор собирался своровать результаты его интеллектуальной деятельности! Под-

лый плагиатор! Конечно, у Сальери уже обрисовывались идеи для новых книг. Он намеривался написать историю человека, посвятившего всю жизнь защите произведения искусства. Может быть, он оберегал бы рисунок на песке от океанских волн, возводя стены и копая рвы. Может быть, он каждый день исполнял бы услышанную мелодию на скрипке. Может, переписывал последний экземпляр чудом уцелевшей книжки.

И этот негодяй Моцарт собирался стащить его мысли! Он хотел похитить их, а взамен положить свои скромные бытовые рассказы! Ну уж нет! Сальери не даст себя одурачить.

Проницательный парень увязался следом за потенциальным вором и дождался, когда условия для убийства стали благоприятными. И воткнул заранее припасённый нож в его мерзкое око. Никакого страха или сомнения Сальери не чувствовал. Он поступал справедливо. Моцарт заслужил наказание. Он высмеивал Сальери. Он обманывал его. И он заплатился.

Остальные его действия склеились в неразборчивый ком, лишённый последовательности. Вот Сальери изучает переписки Моцарта. Вот лопата швыряет на лопатку ещё одну горсть. Вот он сидит на собрании анонимных убийц.

– Спасибо за то, что поделился своей историей, Сальери! – уважительно склонились товарищи.

– Ты большой молодец, Сальери! – улыбнулся лысый парнишка. На его бедже значилось «Жиголо».

Жиголо

Право, и дьявол тут мог бы смутиться

– Поль Верлен

Жиголо было одето в синюю толстовку и тёмные плотные джинсы. Лысую макушку укрывал махровый капюшон. Тоненькие руки ветрели шнурок от кроссовок. Его лицо не имело ни единого волоска, и казалось, что оно страдало лейкозом крови. Оттопыренные уши напоминали о слонёнке Дамбо. Жиголо смахивало на инопланетянина, но самым удивительным было то, что оно относило себя к среднему роду.

В детстве оно беззаботно вязало игрушки. Его успокаивал процесс изготовления мягкого зверька. Часы незаметно пролетали за безмятежным хобби. Шесть петель в кольцо амигуруми, шесть прибавок, одна петля и прибавка, повторяющиеся шесть раз... Постепенно из-под крючка появлялась голова или ножка, или ушко.

Умиротворение прекращалось, когда набожная мать заставляла идти к так называемой «подруге» в гости. Вся беда заключалась в том, что эту шестнадцатилетнюю воблу скрючивал церебральный паралич. Её мышцы находились в тонусе, и пока девчонка пыталась произнести «привет», из её рта летели брызги слюней. Но Жиголо брезговало не пузырями на

подбородке. Его угнетали тупые игры, какие годятся для пятилеток. Игры в школу. Игры в больницу. Игры в семью. Какую ещё, на хрен, семью?!

Инвалидка, будучи в роли учителя, подавалась вперёд и диктовала примитивный текст о природе. При этом губы её то слипались в тугую полоску, то обращались в ноль. Когда она решала изобразить семью, то просила достать старого голого пупса и вспомнить «Дочки-матери». Но отвратительнее и гаже всего была игра в больницу. Жиголо приходилось превращаться в доктора и делать вобле массаж.

– Эфу руку... по-положи на яходитцу, – искривлялся рот воблы, и Жиголо клало ладонь на бедро и раздвигало худые твёрдые ноги, видя чёрные лобковые волосы. В голове, ещё носившей каштановые кудри, крутилась карусель, и рвота кралась по трахейному жерлу.

Зато когда Жиголо спускалось по лестнице и выныривало в густой вечер, его облегчение прищипливало к спине крылья. У пингвинов, куриц и фазанов тоже есть подобные отростки, но они не летают. Жиголо было чем-то вроде пингвина.

После того как оно натрогалось и насмотрелось на дцпэшное тело, Жиголо стало отчуждаться от своего собственного. Почему так происходило? Оно больше не могло видеть в себе изящную молодую славянскую внешность. Теперь оно понимало, что физически люди мерзки и отталкивающие. И оно отказалось от своего пола. Этакий деперсонализационный

синдром. Вскоре Жиголо побрили налысо в парикмахерской «Бигуди». Оно даже не согласилось отдать свои пышные пряди на жертвование больным раком. Уж слишком его воротили все эти болеющие особенные «дети-ангелы».

Со временем Жиголо всё сильнее теряло себя в окружающей обстановке. Грань между его «Я» и окружающей средой как бы стёрлась, и чувства спокойно вытекали наружу. Вот, к примеру, злость. Она принадлежала ему или рассыпалась в воздухе? Голод стал таким же явлением, как ветер или дождь. Забавно, почему по радио не объявляли: «Осадки в виде голода и жажды»? Или:

«Осадки в виде мигрени и озноба»?

Или:

«Осадки в виде чесотки и зуда»?

Всё бы ничего, но в феврале у Жиголо выпали осадки в виде острой боли в правой стороне желудка. Казалось, что внутри включен пылесос, всасывающий внутренности в узкую трубу. Резь сгибала пополам и позволяла дышать только урывками. Набожная мать-педантка, однако, не испугалась за своего ребёнка. Жиголо само вызвало скорую, и с ним начали играть в больницу.

Правда, игра происходила на операционном столе. Вначале Жиголо сдало мочу в колбе на анализ, затем мужчина в бумажном гигиеническом цилиндре на голове полоснул его ребром ладони по животу, констатируя аппендицит, после чего Жиголо разделось донага и проковывляло в операцион-

ную. Там его водрузили на койку без матраса, ноги и руки привязали ремнями, как в настоящих психиатрических лечебницах. Постепенно выпадал осадок в виде страха. Ледяного ужаса. Даже дыхание стало влажным, словно на морозе. Но после укола все осадки сошли на нет.

Вновь закрутилась карусель. Скончалась ночь. Неясные стоны. Смутные очертания. И чужие добрые голоса. Жиголо раскрыло глазные окна, распахнув веки, словно занавески. Горло щекотало свербящее раздражение. По радио передавали осадки в виде жажды.

Жиголо валялось абсолютно голое, но нисколько не смущённое этим фактом. Его соседки с благородным любопытством разглядывали бритую черепушку.

– Бедняжка, – проворковала старуха с обвисшей кожей. На ней был запахнут халат ковровой расцветки.

– Как ты? – спросила интеллигентная старушка со стрижкой белых волос.

При виде такой сразу представляются английские леди за чаепитием. Или дамы в шляпках на пикнике, тоже с чашками в руках.

Третья бабка с бородавками на веках лишь промычала от своей боли, как будто корова в деревне.

Первый день запрещалось есть. Разрешалось только глотнуть воды. Пару раз Жиголо навещал доктор. Он осматривал повязку и задавал вопросы о самоощущении. Жиголо не понимало, что требовалось отвечать.

На вторые сутки оно уже хлебало бульон с сухарями и пило кисель. Потихоньку двигалось. Вязало. Оделось.

Корова продолжала мычать и кричать: «Помираю!» Ночью она либо храпела, либо просила: «Зарежьте меня!». Её муки выглядели так серьёзно, что Жиголо считало Корову будущим покойником. Ему даже не терпелось застать смерть. Узреть её в процессе, в действии. Ему хотелось впечатлений. Хотелось стать очевидцем трагедии. Но вскоре Корове вырезали желчный пузырь, битком набитый камнями, и вновь завезли в палату. Бедная старуха даже сквозь наркотический сон продолжала бормотать, пугая соседок. К общему удивлению, она подняла седую голову и осмотрелась вокруг. Постепенно её круп сполз с койки, и старуха оказалась коленями на полу. Толстая и обнажённая, с окровавленной повязкой. Из трубочки дренажа выплёскивались струйки крови, как из лейки.

Скованные барышни видели, что Корова собирается встать на ноги, и не на шутку переполошились. Только вот сами они не могли подняться. Лежали, как черепахи на панцире, и дрыгали конечностями. Вообще-то Жиголо чувствовало в себе силы. Оно могло подоспеть к несчастной мученице, да только лень и робость помешали прийти на помощь. При зрителях даже героем неудобно быть. Вот если бы оно осталось с Коровой наедине, тогда ещё пожалуйста.

В тайне Жиголо предвкушало грандиозное падение, переломы хрупких костей и всего такого, но к ним забежали мед-

сёстры и врачи. Вчетвером они схватили прооперированную за руки-ноги и, как в мультиках, закинули на койку. Затем кровать окружили стульями и ускользнули в коридор.

Разочарованное, Жиголо дулось на бабку за живучесть. Почему судьба не чесалась исполнять его желания? Почему старуха мешала ему спать хриплым храпом и бормотанием? Почему Жиголо не могло отомстить? Или оно могло?

Когда интеллигентка и старушенция с плоскими грудями, висячими до плавков, удалились в столовую или на перевязку, или за порцией обезболивающего, Жиголо со скрипом отделилось от простыней и, прижав к груди подушку, посеменило к Корове. Моргнув, Жиголо швырнуло на её лицо наволочку, набитую пухом, и упёрлось ладонями в белую ткань. Жертва слабо забрыкалась, но быстро сдалась.

Сердце Жиголо не трепыхалось. Эмоции не буянили. Ничего особенного оно не сотворило. Убрав подушку, Жиголо осмотрело лежащую. Она вся была окутана кровавыми бинтами, и Жиголо решило, что оно просто помогло уйти.

Камеры на потолке не висели. Медицинский персонал был слеп. Соседки ужинали тушёной морковью довольно долго. За это время Жиголо успело довязать игрушку. Получился очень красивый осьминог.

Именно после убийства старушки Жиголо и стало так себя именовать. Хоть оно не служило партнёром для парных танцев и не предоставляло услуги мужской проституции, всё равно считало никнейм подходящим.

Помимо бледного шрама на животе, у Жиголо остались и другие последствия от больничных приключений: теперь его преследовали кошмары.

Вот оно катится со снежной горы на шине, обтянутой красно-синими тряпками. Врезается в хлипкую ограду. За ней шумно дышит бурый мешок мускулов, по-другому – просто медведь. Он угрожающе движется к добыче, руша преграду. Инстинкт самосхоронения подсказывает Жиголо зарыться поглубже в сугробы, и оно подчиняется зову природы. Однако снег – так себе защита. Бурая туча разбрасывает клёцки, и Жиголо остаётся только одно – скорее выпутаться из сна.

Вот Жиголо находится в школе. Класс – наводнённый террористами. Оно – незамеченное в коридоре. Пошевелится – и выдаст своё присутствие. Оно не ожидало, что быть заложником так страшно. Дикое отчаяние. Дикое волнение. Лысую голову всё-таки замечает один мужлан. Он, словно медведь, приближается к Жиголо, вынимая нож. Сердце колотится так, как и должно колотиться сердце, когда к тебе приближается человек с ножом. Жиголо леденеет и согревает лезвие в своём желудке. Съезжает в мешок, измазываясь в липкой тёплой крови барбарисового цвета. Распахивает глазные окна.

Бедное Жиголо. Теперь оно обречено терпеть выкидоны своего подсознания.

– Спасибо за то, что поделилось своей историей, Жиголо! – понимающе прошелестели убийцы.

– Ты большое молодец, Жиголо! – моргнул взъерошенный парень. На его значке было написано «Мама».

Мама

Как детские сердца чувствительны к страданиям!

– Артюр Рембо

Худой и смазливый, Мама скромно слушал чужие истории. Вначале могло показаться, что они делились страшилками. Или легендами. Или древнегреческими мифами. Но нет. Они делились собственной жизнью. Мама не стал исключением. В его мозгах тоже хранилась каша мыслей и чего-то стрёмного под названием «опыт».

Мама любил кашу. Особенно манную и перловую. Ещё он любил готовить борщ – красный, как артериальная кровь. Ещё Мама очень любил свою маму.

Когда он спросил у неё, правда ли, что он умрёт, она ответила: «Нет, сынок, ты никогда не умрёшь». Она намеривалась успокоить мальчика, утешить его, отвлечь, но перестаралась. Мама очень перестаралась.

Маленький Мама, нося штанишки на лямках и ковыряя лопатой в песочнице, предвкушал вечную жизнь. Он просеивал песочный тальк через жёлтое сито и воображал, как готовит настоящее тесто. Тренировки с раннего возраста пригодятся парнишке, потому что в будущем ему придётся стряпать самому.

Всё детство мальчонку мучили вопросы о том, что такое

смерть. Его мамочка утверждала одно, а телевизор говорил совершенно другое. Кто из них прав?

Когда Мама стал взрослым (а Мама стал взрослым?), у него появилось достаточно возможностей это проверить. Парень не особенно переживал, так как ожидал подтверждения маминой гипотезы, а не её опровержения. Улучив момент, когда его мать, собрав волосы в пучок, тёрла стёкла, Мама незаметно подкрался к ней сзади, схватил за щиколотки и выбросил из окна. Женщина успела только охнуть и одарить сынишку исчезающим криком.

Когда сорванец разглядел распостёртый на асфальте крохотный труп, то словил шок. Реальность стучалась в его двери, но мальчишка не поворачивал ключ. Не пускал страшное недоразумение в свою жизнь. Что он наделал? Можно ли отменить последние действия? Какую молитву прочитать, чтобы происходящее оказалось сном? К сожалению, в божественном каталоге таких молитв не было.

Приехали машины с мигалками. Проступок Мама назвали несчастным случаем. Только несчастными были сами Мама и его мать. Причём здесь какой-то случай?

Терпеть существование без любимого человека было невыносимо. Мама жалел себя. Больше никто его не оберегал, не гладил по волосам, не готовил перловку и не интересовался школьными успехами. Он превратился в одинокого отщепенца. Отпрыска из неблагополучной семьи. Объекта самых фантастических сплетен. Впрочем, парнишку не за-

ботило, о чём судачили люди. Гораздо сильнее его волновал приобретённый страх. Лютый. Постоянный. Навязчивый.

Страх смерти называют танатофобией. У Мама была танатофобия. Он смертельно боялся умереть...

Кто-то колется героином. Мама колелся виной. Её регулярные дозы не позволяли ему веселиться и развиваться. Юноша полагал, что отнявший жизнь терял право на реализацию собственных планов. Но он ведь не хотел ничего дурного! Он просто слегка переборщил...

– Спасибо за то, что поделился своей историей, Мама! – подбодрил его собравшийся коллектив.

– Ты большой молодец, Мама. Только сильные люди способны признать свои ошибки и принять то, что принять, в общем-то, нельзя, – тускло улыбнулся Пустыня.

Пай-убийцы

Спит счастливый скот, зовущийся людьми

– Стефан Малларме

– Нам всем необходимо отдохнуть, – констатировал желтоволосый парень, поднимаясь со своего табурета. – Кто будет кофе? – устало предложил он.

Пустыня не рассчитывал столкнуться с настолько нравственно бедными людьми. Они больше печалились о трагедии своей жизни, чем о гибели жертв. Кто-то даже не осознавал, чего лишил себе подобного.

– Я не откажусь! – щёлкнул пальцами Сальери. – Только плесни немного молока, – указал он.

– Никакого молока! – взвизгнул Калигула, хватаясь за цилиндр пышной причёски.

– А я не перевариваю любое кофе, – повело плечом Жиголо.

– Кофе относится к мужскому роду, – из принципа поправил Сальери, хотя как можно упрекать в такой оплошности человека, который даже свой пол не может определить?

Пока картнуарился «Карт Нуар», Пустыня переводил дух. Но вскоре ему пришлось снова собраться с ним и заглянуть в просторный зал с белым паркетом.

– А Боженька лучше нас, – рассказывал Мама.

– Но ведь его не существует! – возмутился Сальери.

– Этим-то он и лучше, – посмеивался Мама.

Тем временем дождь продолжал капать на мозги. Ещё капля – и нервная система Пустыни заболит анорексией.

– А вот и кофе! – прервал он спор, передавая кружки с ароматными лужами.

Анубис тут же начал поглощать конфеты, растворяя их в горячем напитке. И казалось, что они самая обычная беззаботная компания, а не пачка бесчувственных убийц.

Спустя несколько минут непринуждённой беседы они позволяли себе некоторые вольности и некорректные шутки.

– Почему плюшевые акулы такие популярные? – задумывался, к примеру, Сальери.

– Не знаю. Наверное, все убийцы известны и милы, – отвечал Калигула. – Все убийцы очаровательные няшки, – хихикал он.

Пустыню же раздражали такие стереотипы. Глупые, дурацкие штампы! Вот только на практике всё не так смешно. На практике это ужасно и непоправимо.

– В каждой персоне мы видим своё отражение, и если оно кажется нам плохим, то мы разбиваем зеркало. Таким образом мы всегда убиваем себя. Рвём свой неприятный портрет, вымещенный на прохожего, – взялся за лекцию Пустыня, глубоко сомневаясь, пригодна ли эта формула в случае Жиголо. Или Мама. Или Анубиса. Или Сальери. Или Калигулы. Пригодна ли она вообще?

Каждой твари по паре

Зачем пришёл я в мир?

– Вилье де Лиль Адан

Анубис с наслаждением размазывал шоколад по зубам и нёбу. Жар согревал грудь и живот. Он отдыхал от приказов своего диктатора. Нет, конечно, ему льстило пить абсент с Абсолютом, параллельно угощая аспириновыми напитками молодёжь, но порой очень приятно побыть собой.

– А теперь разбейтесь на пары, – указал Пустыня. – И опишите собеседника. Предположите, о чём он думает. Чего он желает, – пояснил парень, собирая пустые чашки.

Анубис не успел и оглядеться, как к нему подседа голубая рубашка.

– Не возражаешь? – осведомился Сальери.

– Нет, – махнул волосами Анубис.

И Мама, и Жиголо пугались эксцентричного императора, поэтому сдвинули стулья поближе друг к другу, так что Калигула достался Пустыне. Дабы не создавать неразборчивого гвалта, договорились беседовать по очереди. Чету из Анубиса и Сальери пнули первыми.

– Приступайте! – хлопнул в ладоши довольный Калигула, словно перед ним разыгрывалась театральная сценка. Анубис даже не успел сообразить, что происходит, как Сальери

начал описывать партнёра.

– Ты мнишь себя богом. Думаешь, что имеешь власть. Жаждешь управлять хоть чем-нибудь. Только ты никакой не посланник и не просветлённый божок. Ты – скудоумный псих, – разошёлся писатель.

– А ты просто уставший и измождённый человек, который мечтает о свободе! Который боится и не контролирует себя! – парировал Анубис, но вскоре внимание переключилось на сторбленных молчунов, тихих, как океан.

– Ты, наверное, запутался в себе, – открыл рот трансгендер. – Скорее всего, тебя изводят кошмары. Чтобы абстрагироваться от реальности, ты пресёк любые эмоции, и теперь не замечаешь, когда злишься или грустишь, – гадало Жиголо.

– Ну, а ты смятено и обескуражено. Ты не ожидало, что убить человека проще, чем выключить телевизор, – бурчал Мама, виляя кадыком.

Анубис смутно ощущал некий подвох. Что-то не складывалось в их портретах. Последними в центре появились Пустыня и Калигула. Прежде чем сесть, император любезно поклонился своим поданным, а после сразу обратился к Пустыне:

– Думаешь, что ты здесь главный, раз собрал нас под одним потолком? – усмехнулся он, почёсывая какашную родинку на щеке. – Хочешь быть царём, так? Купаться в благодарности и почитании, да? – напирал мужчина, любуясь

блеском туфель.

– Я услышал твои предположения, – вежливо отозвался Пустыня. – Мне же кажется, что в глубине души ты очень, очень хочешь исправиться, – прослезился он. Даже промокнул глаз краем растянутой футболки. – Что ж, а теперь я объясню, в чём соль этого эксперимента, – обратился к публике гитарист. – Вы все описывали исключительно себя. Дорогие господа убийцы! Там, где стояло «ты», должно встать «я». И вы поймаете свои тайные чувства.

Приглашение на казнь

Ты трауром своих кудрей

Не затемнишь моих мечтаний

– Вилье де Лиль Адан

Сальери негодовал. Он ведь не относился к мнительным эгоистам, которые считают себя пупом земли! И к скудоумным психам не относился тоже! Он никем не хотел управлять, ублажая своё ЧСВ! Но разве не это ему давало писательство? Для своих героев он занимал место Бога. Создателя. Демиурга.

Ах, как же он жалок и груб! Нет в нём романтической утончённости! Как хитро он тешил свой подлый умишко!

– На этом мы закончим сегодняшнее занятие, – подытожил Пустыня. – В следующий раз вы должны будете привести с собой друга, чтобы научиться создавать близкие отношения, – сообщил он, провожая замешкавшихся гостей.

Друга? Но Сальери вёл жизнь затворника – у него даже знакомых не было, не то что друзей! С кем ему заявиться? Парень не собирался унижаться и демонстрировать, насколько он одинок. Ему не требовались взгляды злорадной жалости и умильное снисхождение. Что если попросить кого-то подыграть? Но тогда он обнажит факт, что увеличил

количество вакансий редактора.

Морщины царапинами располосовали лоб, но усердные раздумья дали сочные и спелые плоды. У Сальери нашлась блестящая кандидатура для роли сопровождающей! Ей оказалась Памела.

В парке пахло мёдом и сырой свежестью. Дождевые вибриссы уже не висели в воздухе, и лёгкость пёрышком дразнила сердце. С двух сторон над тропинкой склонялись густые ветки сирени с тонким ароматом, а под ними мелькала хрупкая фигурка в неизменных шортах и олимпийке. Расстроженный, Сальери присоединился к своей озорной беглянке, вспоминая поэму Евтушенко.

– Доброе утро! – поприветствовал он в надежде, что девочка остановится. Всё-таки шпарить в кроссовках намного легче, чем в сандалиях.

– Мы знакомы? – притормозила красавица, махнув хвостиком. Она слегка запыхалась, нос, покрытый испариной, блестел, словно гладкая кожа дельфина.

– Мы ни разу не виделись, но я знаю о тебе всё, – загадочно ответил Сальери.

– Это как? – фыркнула Памела, раскрывая компактный термос.

– Я покажусь странным, и ты, возможно, отшатнёшься от меня. Может быть, даже не захочешь со мной знаться. Я понимаю. Это нормально, – подготавливал девчушку к шоку

незадачливый писатель. – Тебя зовут Памела. Ты влюблена в скуластого шутника. По утрам ты бегаешь и мечтаешь путешествовать. Побывать на Висячем камне, Туимском провале. Планируешь завести собаку, бигля, и назвать её Белла. Ты не терпишь косметики. Ты обожаешь индийскую музыку. Любишь рисовать с детьми и ненавидишь, когда тебя заставляют подчиняться, – перечислял Сальери.

– Откуда? Откуда вам это известно? – попяtilась Памела.

– Я – твой создатель, а ты – книжная героиня. Я сам придумал тебя... – не стал жалеть девушку Сальери.

– Неправда! – крикнула та. – Я не намерена выслушивать эту чушь! Вы просто сбрендили!

– Пойми, что весь знакомый тебе мир – чья-то гениальная, но фантазия. Выдумка. Он прочен, как мыльный пузырь. Постоянен, как аллергический чих. И пропасть он может так же быстро, как хорошее настроение во время похорон. Тебя с рождения оведали иллюзии...

– Не верю! – упрямо дёрнулась Памела.

– Трудно отказаться от привычной повседневности, но вселенная намного шире. Она существует за границами твоего представления о ней.

– Чушь собачья, – оскалилось тире её губ. – Отвяжитесь от меня. И вообще, я просто сплю, – постаралась заверить себя спортсменка.

– Да, ты спишь, – осторожно придвинулся к ней Сальери так, словно боялся спугнуть диковинную птицу, занесённую

в Красную, а то и в Чёрную книгу. Впрочем, Памела и так была занесена. В его книгу. – Всю минувшую жизнь ты спала, но настала пора проснуться. Открой же глаза! Пробудись! – как всегда, пафосно умолял Сальери. – Пойдём со мной. Воплотись в реальности!

– Вы – мошенник или аферист, или как там вас обычно называют, – высокомерно заявила девчонка. – И я ни за что не поверю в то, что каждая моя мысль, каждый шаг и событие было инсценировано в вашей голове. Я не могу даже допустить того, чтобы моей судьбой распоряжался кто-то посторонний! Я независима и настоящая...

– Но ты же моё творение! – патетично воскликнул Сальери.

– Уж лучше быть тварью, чем вашим творением, – ошенилась Памела, словно дикобраз.

Их перепалка затягивалась, но, в конце концов, запутавшиеся Памела сломалась под напором мужской настойчивости и приняла приглашение на таинственный ужин. Вот только это результат её воли или очередная прихоть безумца?

«Когда иллюзорное спокойствие снесено ураганом правды, у человека появляется выбор, – размышляла девушка. – Сколотить новый удобный мирок, где его ничто не тронет, или больно врезаться в жизнь такую, какая она есть на самом деле».

У Памелы не было ни досок, ни гвоздей для возведения руин, поэтому она согласилась проследовать за Сальери. Тот факт, что она чья-то фантазия, не мешал думать, дышать и существовать дальше. Она ничем не отличалась от своего спутника в голубой рубашке и горчичных брюках. Может быть, между вымыслом и правдой и вовсе нет разницы? Если её провожатый не лгал, то получалось, что мысль также материальна, как и плоть. Потрясённая, Памела позволила течению момента нести её вдоль пыльной трассы, усыпанной лужами.

Секспир

Величье нищеты мне царств земных дороже

– Поль Верлен

Калигула отправился во дворец, остерегаясь «фольксвагенов поло» и высоких сооружений. Но на сей черёд угроза исходила от деятелей науки.

– Запустим в него ультрасеребряные лучи, – предложил подлый учёный у него за спиной.

От страха Калигула развернулся так резво, что его полутораметровый крем-парик чуть не свалился на асфальт. Шумно дыша, мужчина убедился, что сзади за ним либо никто не крался, либо очень изощрённо прятался. Помедлив пару секунд, испуганный император помчался прочь со скоростью Галлимима, мерца в темноте ярким малиновым силуэтом.

Но на этом приключения Калигулы не закончились. Сюрпризы продолжили сыпаться на его нарядную голову.

Когда мужчина на трясущихся ногах ввалился в переднюю, то увидел, что на роскошном диване восседал некий господин с блестящей лысиной, окружённой прилизанными прядями волос. Его шею сковывал ажурный воротник фреза, а бархатный костюм отливал агатовым блеском.

– Добрый вечер-с, – подогнул кручёный ус незванный гость.

– Кто ты? Что ты делаешь в моём доме? – напрягся Калигула, лихорадочно ища штуковину потяжелее.

Уменьшенная статуя безрукой Венеры послужила бы прекрасным тупым предметом для самозащиты, но находилась она на комодe в дальнем углу комнаты. Не придумав ничего лучше, император схватил свою трость в обе руки, словно канатоходец палку для балансирования.

– Ох, я известный драматург Секспир! Совсем забыл представиться, – пошевелился пришелец.

От изумления Калигула выронил трость, и та гулко брякнулась на пол.

– Не может быть! – воскликнул эпатажный хозяин дворца. – Глубоко извиняюсь за холодный приём! Ты, должно быть, пришёл, чтобы завести со мною философскую беседу?! – предположил он, усаживаясь в кресло напротив.

– Да, но перед любым конструктивным разговором следует отдохнуть и тщательно подготовиться, – важничал Секспир.

– Как шизненно! Ты абсолютно прав! – восхитился Калигула. – Только я не могу усмирить своё любопытство, – покраснел он. – Каков секрет твоего успеха? Как ты умудрился стать настолько известным? Только не лукавь, что всё дело в таланте! Талант – утешение для лузеров, которых никто не знает.

– Тобой овладевают гордыня и тщеславие, мой дорогой Калигула, – снисходительно улыбнулся Секспир. – Но так и

быть. Я поведаю тебе о положении популярности в наше время... – заинтриговал он.

Калигула даже постарался переставить кресло поближе, но его седло словно вцепилось в пол. Наверное, под подушками хранились гири. Император был готов поклясться головой, что это дело рук заговорщиков. Ничего, скоро он расквитается с этими негодьями!

– ...Для начала уясни, что женщинам, этим коварным гарпиям и сиренам, легче одурманить публику. Всё дело в том, что им доступен особенный вид популярности – пополярность. Невинные пастушки, соблазнительные козочки, они без труда достигают всеобщего почитания и поклонения. Только их лица скрывает косметическая ложь... – рассказывал Шекспир, пока Калигула со смущением трогал румяна и тени. – Но династия гламурных дам не вечна! – обнадежил специалист по известности. – Поскольку мы вянем быстро, так же, как растём, – вздохнул он.

– Так как же мне заставить моих поданных любить и хвалить меня? – перебил нетерпеливый Калигула.

– Кто под звездой счастливою рождён,

Гордится славой титулом и властью.

А я судьбой скромнее награждён,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.